

Н.Н. Глубоковский

Евангелия
и их благовестие о Христе-
Спасителе и его искупительном
деле

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 291
ББК 86.3
Г55

Г55 **Глубоковский Н.Н.**
Евангелия: и их благовестие о Христе-Спасителе и его искупительном деле /
Н.Н. Глубоковский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 158 с.

ISBN 978-5-517-90623-6

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1932 года

ISBN 978-5-517-90623-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

меня), и яхъ его, и убихъ его въ Секрелазѣ, емуже долженъ бѣхъ дати даръ (φ ἔδει με δοῦναι εὐαγγέλιον). „Почто, — спрашиваетъ Іованъ Ахимааса (2 Цар. XVIII, 22), — хочещи теши, сыне мой? Гряди, нѣсть тебѣ возвѣщеніе въ пользу грядущему“ (οὐκ ἔστι σοι εὐαγγέλιον εἰς ὠφελείαν παρευομένῳ, когда не можешь сообщить д'оброй вѣсти), ибо (ст. 20) „сынъ царевъ (Авессаломъ) умре“. Но тотъ побѣждалъ, — и, узнавъ объ этомъ отъ сторожа, царь замѣтилъ (ст. 25): „аще единъ есть, благо возвѣщеніе во устѣхъ его“ (εὐαγγέλιον ἐν τῷ στόματι αὐτοῦ). Ср. еще 2 Цар. XVIII, 20: мужъ возвѣщай благо — ἀνὴρ εὐαγγελίας, но возвѣстиши — καὶ εὐαγγελιῇ, не добро возвѣщеніе — οὐκ εὐαγγελιῇ. 2 Цар. XVIII, 27: и возвѣстіе благое — εἰς εὐαγγελίαν ἀγαθὴν. 4 Цар. VII, 9: день благовѣщенія — ἡμέρα εὐαγγελίας. 1 Цар. XXXI, 9: возвѣщающе — εὐαγγελίζοντες.

Изъ этихъ справокъ вытекаетъ, что рассматриваемые термины всегда означаютъ нѣчто объективно радостное, эссенціально таковое по самой природѣ вещи или событія, и лишь весьма рѣдко примѣняются къ тому, что бываетъ страднымъ по пристрастію и только для немногихъ (1 Цар. XXXI, 9. 2 Цар. I, 20. 1 Пар. X, 9. Іер. XX, 15). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ у LXX-ти дважды (2 Цар. XVIII, 27: εὐαγγελίαν ἀγαθὴν. 3 Цар. I, 42: καὶ ἀγαθὰ εὐαγγελίσαι) дѣлаются квалифицирующія реальную цѣаность прибавки, а вообще этого не бываетъ, такъ какъ истинное достоинство понятно само собою, ибо вездѣ въ данныхъ случаяхъ трактуется о пришествіи Бога-Спасителя (Иса. XL, 9. LXI, 1) съ правдою (Пс. XXXIX (40), 9), миромъ (Иса. LII, 7. Наум. I, 15 (II, 1) и спасеніемъ (Пс. XCV (96), 2. Наум. II, 32). Тутъ все радостно и именно потому, что фактически отрадно.

Такое соотношеніе элементовъ понятія коренится въ самомъ его содержаніи и достаточно засвидѣтельствовано для прихристіанской эпохи. Такъ, Іосифъ Флавій городскія празднества сводитъ къ εὐαγγέλιю и θυσίαι (De bello jud. X, 10,6: καὶ πᾶσα πόλις ἐώρταζεν, εὐαγγέλιον δὲ καὶ θυσίας ὑπὲρ αὐτοῦ (Веспасіана) ἐπιτελεῖ) и говоритъ (XI, 5) о τὰ ἀπὸ τῆς Ῥώμης εὐαγγέλιον, каковымъ именемъ Цицеронъ (ad Att. II, 3:1) называетъ освобожденіе Валерія, а св. І. Златоустъ — чудесное избавленіе Апостола Петра изъ темницы (in Act. hom. XXVI, 3: Migne gr. LX, col. 201), сливая въ одно нераздѣльное цѣлое оба эти оттѣнка, какъ это и бываетъ всегда de facto: τὸ εὐαγγέλιον τοῦτό ἐστι τάδε σοι ἔσται ἀγαθὰ (in Act. hom. XIX, 5: M. gr. LX, 157).

Значитъ, „Евангеліе“ есть добрая вѣсть, вызывающая добрыя чувства и — по движенію ихъ — вознаграждаемая соотвѣтственно въ тѣхъ или иныхъ формахъ. Но и для

язычниковъ источникомъ отраднаго блага является собственно Богъ, и самая радость имѣла цѣнность не по одной лишь пріятности, а — первѣе и главнѣе всего — по своему этическому достоинству, поскольку возводила къ истинной радости и открывала подлинный идеалъ совершенства въ волѣ Божіей. Тѣмъ болѣе для еврея, всецѣло проникнутаго строгими теократическими принципами, благовѣстіемъ было то, въ чемъ обнаруживается законъ Господень, который только и можетъ доставить чистую радость чрезъ богоугодную жизнь, озаряемую и направляемую свыше. Одинъ Іегова — всегда и во всемъ — былъ въ состояніи сообщить людямъ чрезъ своихъ посланниковъ „единое на потребу“ и чрезъ это привести душу въ восторженное состояніе полнѣйшаго довольства ¹⁾. А мы знаемъ, что наличная бѣдственность Израіля скрашивалась мессіанскою вѣрой, которая проникала все его бытіе и предвѣщала величайшую радость. Естественно, что лишь относившееся къ будущему Избавителю и къ мессіанскому прославленію искупленныхъ радостно возвышало вѣрующее сердце и было для него абсолютно отраднымъ. Въ силу этого и *besorah*, *εὐαγγέλιον* въ Ветхомъ Заветѣ прилагается къ мессіанскимъ пророчествамъ, предукзывающимъ новозавѣтное царство внутренняго покоя и фактической свободы отъ тяготы ига грѣховнаго ²⁾. „Коль красны ноги благовѣствующихъ (*ὡς πόδες εὐαγγελιζομένων*), миръ, благовѣствующихъ (*ὡς εὐαγγελιζόμενος*), благая, яко слышано сотворю спасеніе твое, глаголя, Сіоне: воцарится Богъ твой“ — восклицаетъ Исаія (LII, 7). „На гору високу възиди, благовѣствуяй (*ὁ εὐαγγελιζόμενος*), Сіону, возвыси крѣпостію гласъ твой, благовѣствуяй Іерусалиму:... Господь съ крѣпостію грядетъ, и мышца его со властію... Аки пастырь упасетъ паству свою, и мышцею своею соберетъ агнцы, и имущія во утробѣ утѣшитъ“ (Иса. XL, 9). „Вси отъ

¹⁾ Prof. Julius Schniewind констатируетъ, что *bsr* въ В. З. есть религіозный терминъ (S. 44, 52, 60-61), даже съ культовымъ значеніемъ (S. 51), но считаетъ, что формально очевиденъ разрывъ (*der Schnitt*) между „свѣтскимъ“ и религіознымъ словоупотребленіемъ (S. 59), при чемъ первое — старше и относилось къ сообщенію о побѣдѣ (S. 33), но самъ же соглашается, что послѣднее возвышалось культовымъ образомъ, какъ побѣда Іеговы (S. 59), ибо Онъ для Израіля былъ Господь Саваоѣ — Богъ воинствъ. Слѣдовательно, по первоисточнику оба примѣненія безусловно религіозны.

²⁾ И Prof. Julius Schniewind считаетъ *bsr* (собственно *εὐαγγελίσασθαι*) мессіанскимъ терминомъ, по крайней мѣрѣ, у Девтеронсая, какъ связывающаго съ нимъ мессіанскія надежды (S. 43), отражающіяся у Христа и въ понятіяхъ о Евангеліи первенствующей церкви (S. 57-58).

Савы прийдуть, носяще злато, и ливанъ принесуть, и камень честенъ, и спасеніе Господне возвѣстятъ“ (καὶ τὰ ἁγία τὰ Κυρίου εὐαγγελιστῶνται: Иса. LX, 6). „Духъ Господень на Мнѣ, — отъ лица Мессіи возглашаетъ ветхозавѣтный Евангелистъ (Иса. LXI, 1-3),—эгоже ради помаза Мя, б л а г о в ѣ с т и т и (εὐαγγελίσσασθαι), нищимъ посла Мя, исцѣлѣти сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе, нареши лѣто Господне пріятно, и день воздаянія утѣшити вся плачущія, дати плачущимъ, Сіона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселіе плачущимъ, украшеніе славы вмѣсто духа унынія: и нарекутсѣ родове правды, насажденіе Господне въ славу“.

Изъ приведенныхъ библейскихъ цитатъ легко видѣть, что для благочестиваго еврея „Евангеліемъ“ было только предсказаніе о славномъ пришествіи Мессіи. Тогда — въ Ветхомъ Завѣтѣ — оно нѣ имѣло соотвѣтствія въ наличной дѣйствительности, ибо Примиритель былъ пока лишь чаяніемъ языковъ (Быт. XLIX, 10), но—по неизбежному сознанію всякаго сына ветхозавѣтной теократіи—константировалъ съ божественною авторитетностію имѣвшее послѣдовать спасительное искупленіе. Естественно, что, будучи благовѣстіемъ въ качествѣ ожидаемаго, это событіе продолжало быть таковымъ и тогда, когда стало осуществленнымъ и свидѣтельствуемымъ. Правда, самый терминъ εὐαγγέλιον въ позднѣйшихъ, неканоническихъ памятникахъ предхристіанской эпохи исчезаетъ, но это связывалось съ раввинистическимъ потускнѣніемъ мессіанскаго идеала и съ эллинистическимъ его раціонализированіемъ: въ первомъ случаѣ устремленіе мысли было въ сторону мессіанской сокрушительности, во второмъ — теоретическое распыленіе мессіанскаго образа не допускало конкретныхъ характеристикъ. Тѣмъ не менѣе подобное колебаніе не могло устранить того безспорнаго факта, что гадательное besorah сдѣлалось во Христѣ живою реальностію, которая воплотила всѣ предопредѣленные свойства и обладаетъ всѣми преимуществами достоинства и званія. „И мы благовѣствуемъ вамъ (εὐαγγελίζόμεθα ὑμῖν),—проповѣдывалъ Апостоль Павелъ слушателямъ въ синагогѣ Антіохіи Писидійской (Дѣян. XIII, 32),—что обѣтованіе, данное отцамъ, Богъ исполнилъ намъ, дѣтямъ ихъ, воскресивъ Іисуса“. „И нынѣ, — говорилъ онъ царю Агриппѣ“ (Дѣян. XXVI, 6—7),—я стою предъ судомъ за надежду обѣтованія, даннаго отъ Бога отцамъ нашимъ, исполненіе каковаго чають увидѣть наши двѣнадцать колѣнъ“ въ пострадавшемъ и воскрешенъ Христѣ (ст. 23).

Слѣдовательно, христіанство есть осуществленіе предвѣщаннаго спасенія и—подобно ему—является реально ра-

достнымъ, какъ Евангеліе о Христѣ, воплощенное Христомъ и функціонирующее въ Немъ и чрезъ Него¹⁾). Въ такомъ случаѣ оно оказывается теперь и благовѣстіемъ со всѣми типическими предикатами. Натурально, что для его обозначенія былъ избранъ библейски освященный мессіанскій терминъ „Евангеліе“ во всей его традиціонной конкретности. Поэтому и здѣсь данное названіе должно указывать 1) самое фактическое искупленіе чрезъ Іисуса Христа и 2) авторитетное возвѣщеніе о немъ.

Такъ мы и видимъ это въ новозавѣтномъ употребленіи.

Въ первомъ отношеніи „Евангеліе“ есть таинство (τὸ μυστήριον τοῦ εὐαγγελίου) по самой своей природѣ (Еф. VI, 19), благодаря чему и язычники (наравнѣ съ іудеями дѣлаются сонаслѣдниками... и сопричастниками обѣтованія во Христѣ Іисусѣ посредствомъ благовѣствованія (διὰ τοῦ εὐαγγελίου: Еф. III, 6), а само оно составляетъ радость великую всѣмъ людямъ, какъ возвѣщалъ (εὐαγγελίζομαι) Ангелъ Господень Виолеемскимъ пастырямъ (Лук. II, 10), удостовѣряя, что тутъ радостное слово почерпается отъ радостнаго факта.

Понимаемое въ этомъ объективномъ смыслѣ, Евангеліе служитъ „силою Божіей ко спасенію всякому вѣрующему, во-первыхъ іудею, потомъ и еллину“ (Рим. I, 16) и всѣхъ одинаково поставляетъ въ новое положеніе, давая имъ средства жить въ отрадномъ мирѣ внутренно и во взаимныхъ отношеніяхъ. Въ параллель политическому строю, — тутъ оно оказывается теперь Евангеліемъ царствія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας: Мѣ. IV, 23. IX, 35. XXIV, 14), основаннаго Господомъ и потому не земного, носившагося предъ омраченными раввинистическимъ взоромъ, а Божія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας τοῦ Θεοῦ у Мрк. I, 14 по t. rec.) и по своему происхожденію отъ Бога и по назначенію вести своихъ членовъ къ Нему путемъ спасенія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς σωτηρίας ὑμῶν Еф. I, 13). Это есть Евангеліе всецѣлаго умиротворенія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς εἰρ ἡννης: Еф. VI, 15) по благодати Божіей (τὸ εὐαγγέλιον τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ: Дѣян. XX, 24), въ полнотѣ излившейся на людей чрезъ Единороднаго Сына. При подобныхъ свойствахъ своихъ Евангеліе открываетъ прямой и вѣрный путь къ совершенству и блаженству для всякаго человѣка, если онъ смиренно и съ душевною покорностію принимаетъ его (ὑπακούειν τῷ εὐαγγελίῳ: Рим. X, 2. 2 Θεσσαл. I, 8), съ сокрушеннымъ сознаніемъ своей грѣховной немощности будетъ

¹⁾ Поэтому является довольно напраснымъ и тенденціозный споръ о томъ, означаетъ ли εὐαγγέλιον у синоптиковъ Евангеліе о Христѣ (Prof. Jul. Wellhausen) или Евангеліе Христа (Prof. Ad. Harnack): см. у Prof. Julius Schniewind, S. 12, 24.

вѣровать ему (μετανοεῖτε καὶ πιστεύετε ἐν τῇ εὐαγγελίῳ: Мрк. I, 15), подвизаться за вѣру евангельскую (συναθλεῖν τῇ πίστει τοῦ εὐαγγελίου: Филипп. I, 27), свидѣтельствовать Евангеліе благодати Божіей (διαμαρτύρασθαι τὸ εὐαγγέλιον τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ: Дѣян. XX, 24) своею достойною его жизнію (ἀξίως τοῦ Εὐαγγελίου τοῦ Χριστοῦ πολιτεύεσθαι: Филип. I, 27) и своимъ состраданіемъ ему (συνκκοπάθησαι τῇ Εὐαγγελίῳ: 2 Тим. I, 8). Дѣлая все это, христіанинъ становится и соучастникомъ Евангелія, какъ говоритъ о себѣ Апостоль Павелъ (1 Кор. IX, 23): πάντα ποιῶ διὰ τὸ Εὐαγγέλιον, ἵνα συγκοινωνῶς αὐτοῦ γένωμαι. Но это Евангеліе основано и утверждено на землѣ божественнымъ Сыномъ, Иже сый сіяніе славы Отчей (Евр. I, 3), и неизбѣжно отображаетъ небесный блескъ своего первоисточника: потому оно есть τὸ Εὐαγγέλιον τῆς δόξης τοῦ μακαρίου Θεοῦ (1 Тим. I, 11) или τοῦ Χριστοῦ (2 Кор. IV, 4) и отъ надежды благовѣстія (ἀπὸ τῆς ἐλπίδος τοῦ εὐαγγελίου; Кол. I, 23) даруетъ людямъ за это упованіе (διὰ τὴν ἐλπίδα) уготованное имъ на небесахъ (Кол. I, 5) вѣчное царство. Откуда оно уже по одному этому бываетъ Εὐαγγέλιον αἰώνιον (Апок. XIV, 6) и нескончаемо по дѣйствию и существу, какъ и владыка его — Христосъ.

Въ результатъ получается, что въ буквальномъ смыслѣ „Евангеліе“ означаетъ лишь таинство искупленія человѣчества отъ грѣховъ спасительнымъ подвигомъ всей жизни воплощеннаго Сына Божія. Въ такомъ духѣ этотъ терминъ истолковывается и въ патристической письменности, когда, напр., св. Игнатій Богоносецъ внушаетъ Филадельфіяцамъ (IX: М. гр. V, 705): „изрядное имѣте Евангеліе (а именно) — пришествіе Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, страданіе Его и воскресеніе“, поскольку (—согласно посланію къ Смирнянамъ VII: М. гр. V, 714 —) въ немъ страданіе намъ открыто и воскресеніе совершилось“, а потому оно у Василия В. называется (Liber de Spiritu Sancto XV, 35: Migne gr. XXXII, 132), „предначертаніемъ (новаго) житія изъ воскресенія“.

Но если Εὐαγγέλιον обнимаетъ собственно историческое дѣло спасенія человѣчества, то и Евангелистомъ въ этомъ случаѣ могъ быть только одинъ тотъ, кто его фактически совершилъ. „И ходилъ Иисусъ, — пишетъ Апостоль Матѳей (IX, 35; ср. IV, 23. Мрк. I, 14), — по всѣмъ городамъ и селеніямъ... проповѣдуя Евангеліе царствія“ (κηρύσσων τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας). „Господь, — учитъ св. Игнатій Богоносецъ Траллійцевъ (ad Trall. X, 5 по пространной редакціи: М. гр. V, 793), — три года проповѣдывалъ Евангеліе и творилъ знаменія и чудеса“. И внимательные къ подлинному тексту апостольскихъ повѣствованій, мы должны будемъ замѣтить, что уже самъ Христосъ Спаситель выражалъ такую мысль, прилагая къ себѣ всѣ ветхо-

завѣтныя besoroth и тѣмъ освящая употребленіе даннаго термина по отношенію къ Нему на всѣ дальнѣйшія времена. „Духъ Господень на Мнѣ,—читаль Онъ въ Назаретской синагогѣ (Лук. IV, 18) пророчество Исаи (LXI, 1), — егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ (εὐαγγελίσασθαι πτωχοῖς) посла Мя“, а послѣ торжественно засвидѣтельствовавь, что эта миссія Имъ выполнена: „Пойдите, скажите Іоанну, — отвѣчалъ Онъ посламъ Крестителя (Мѡ. XI, 4—5. Лук. VII, 22), — чтѣ слышите и видите. Слепые прозрѣвають и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ“ (или — по πτωχοὶ εὐαγγελίζονται, можетъ быть, точнѣе — „нищіе евангелизуются“, оглашаются Моимъ Евангеліемъ, сущность коего выражена приведенными выше примѣрами). Поэтому Евангелистъ — по строгой и точной силѣ дѣла и слова — есть Христосъ и никто болѣе, и Евангеліе принадлежитъ, какъ собственность, Ему одному, ибо это — Его созданіе, Его ученіе, вся Его жизнь вообще, въ которой и слово было Евангеліемъ¹⁾. По этой причинѣ у новозавѣтныхъ писателей Евангеліе относится къ Нему: τὸ Εὐαγγέλιον τοῦ Ἰησοῦ τοῦ Θεοῦ (Рим. I, 9), Ἰησοῦ Χριστοῦ (Мрк. I, 1) или — просто — τοῦ Χριστοῦ (Рим. XV, 19. Гал. I, 7. Филипп. I, 27). Имъ основано это царство, — царство спасенія, мира и славы, — и Его именемъ должно называться Евангеліе даже и тогда, когда устно сообщаютъ о немъ другимъ, какъ это выдерживаетъ постоянно въ своей терминологіи Апостолъ Павелъ (ср. I Кор. IX, 12. 2 Кор. II, 12. X, 14). А поскольку всякое откровеніе божественное имѣетъ свой первоисточникъ въ Богѣ, бывшемъ и предметомъ этого откровенія, то Онъ же предложилъ и жертву очищенія Сыновнею кровію (Рим. III, 25), обѣщавъ прежде самое благовѣстіе чрезъ пророковъ Своихъ (Рим. I, 1, 2). Значитъ, по своему первоначалу это есть Εὐαγγέλιον Θεοῦ (Рим. I, 1. XV, 16. 2 Кор. XI, 7. I Фессал. II, 2, 8. 9. I Петр. IV, 17), хотя ближайшимъ образомъ оно дано Іисусомъ Христомъ, ибо Имъ на землю принесено и осуществлено.

Но, будучи доступнымъ для человѣчества спасеніемъ, Евангеліе должно быть усвоено людьми, а для сего необходимо сообщить имъ объ этомъ событіи въ точности и подробности. Отсюда вопросъ (Рим. X, 14): како услышатъ безъ проповѣдующаго? и — довлѣющій отвѣтъ (Мрк. XVI, 15): шедше проповѣдите Евангеліе всей твари. Въ этомъ случаѣ Евангеліе, бывшее фактическимъ благовѣстіемъ, становится уже разсказомъ о немъ, изложеніемъ его съ возможною вѣрностію и всесторонностію. Такимъ

¹⁾ Ср. Prof. Julius Schniewind, S. 18.

путемъ получается производное понятіе анализируемаго термина для квалификаціи в о з в ѣ щ е н і я о Христѣ (Рим. X, 16: „не вси послушаша благовѣствованія“. 1 Кор. IV, 15. IX, 14: „отъ благовѣстія жити“. Гал. II, 7: „мнѣ ввѣрено благо-вѣстіе“. Филипп. IV, 15: „вы знаете, что въ началѣ благо-вѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна цер-ковъ не оказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кро-мѣ васъ однихъ“) съ тою цѣлію, чтобы посредствующимъ благовѣствованіемъ, чрезъ кого-либо, о нѣкогда случившемся исторически (Рим. II, 16. XVI, 25: κατὰ τὸ Εὐαγγέλιόν μου καὶ τὸ κήρυγμα ᾧ ἡσοῦ Χριστοῦ. 2 Кор. IV, 3. 1 Θεσσαλ. I, 5. 2 Θεσσαλ. II, 14. 2 Тим. II, 8) передать другимъ самую исти-ну Евангельскую (Гал. II, 5, 14: ἡ ἀλήθεια τοῦ Εὐαγγελίου), т. е. подлинную сущность совершеннаго Господомъ искупленія. Поелику же единственное средство для подобнаго инфор-мированія заключалось въ словесномъ воспроизведеніи спасительнаго событія во всей его глубинѣ и всеобъемлемости, то и Евангеліе отмѣчаетъ теперь повѣствованіе о лицѣ и дѣлѣ Спасителя, хотя бы даже не вполнѣ или невѣрно вы-ражавшее ихъ (Гал. I, 6: ἕτερον εὐαγγέλιον), — со всѣми част-ными пунктами евангельскаго ученія, каковы, напр., воскре-сеніе Христа и будущее возстаніе умершихъ (1 Кор. XV, 1) и т. п. Самѡ Евангеліе, какъ фактъ, здѣсь евангелизуется (2 Кор. XI, 7: „согрѣшилъ ли я тѣмъ, что унижалъ себя, дабы возвысить васъ, ὅτι ὡρεῶν τοῦ Θεοῦ Εὐαγγέλιον εὐηγγελισάμην ὑμῖν?“ Ср. Гал. I, 11: τὸ εὐαγγέλιον τὸ εὐαγγελισθὲν ὑπ’ ἐμοῦ... οὐκ ἔστι κατὰ ἄνθρωπον) чрезъ Евангеліе апостольское (1 Кор. IX, 18: ...εὐαγγελισζόμενος ἀδῶ-πανον θῆσω τὸ Εὐαγγέλιον — τοῦ Χριστοῦ. XV, 1: γνωρίζω δὲ ὑμῖν, ἀδελφοί, τὸ εὐαγγέλιον ὃ εὐηγγελισάμην ὑμῖν), гдѣ изобра-жается это великое дѣло Христово человѣческимъ словомъ. Тутъ понятіе „Евангелія“ обнимаетъ собою проповѣды ваніе объ искупленіи грѣховнаго міра Господомъ Спасителемъ и о томъ, какъ оно было совершено исторически, почему от-мѣчаетъ содержаніе и форму благовѣстія Апостоловъ, ко-торыя чрезъ это посредственно дѣлаются тоже Евангели-стами (Дѣян. XXI, 8. Еф. IV, 11. 2 Тим. IV, 5), ибо они — „благовѣствующіе миръ, благовѣствующіе благое“ (Иса. LII, 7 въ Рим. X, 15).

Итакъ: въ дальнѣйшемъ смыслѣ, совершенно логиче-ски вытекающемъ изъ основнаго понятія по его библейско-му употребленію, Евангеліемъ называется устное изложеніе христіанскаго ученія о спасеніи людей, а самые проповѣд-ники получили наименованіе Евангелистовъ. Но вѣдь — по вѣрному сужденію Оригена объ Апостолѣ Павлѣ (in Matth. XVII, 13: Migne gr. XIII, col. 1516) — „что онъ проповѣды-валъ или говорилъ, — это есть Евангеліе, а потому и что написалъ — тоже Евангеліе. А если Павловы посланія суть

Евангелія, то справедливо сказать не менѣ сего и о Петрѣ*.

Отсюда всячески натурально, что это наименование всецѣло перешло и на апостольскія писанія въ виду ихъ Евангельскаго содержанія, какъ совершенно тождественнаго съ устнымъ благовѣстованіемъ и вполне точно отражающаго фактическое благовѣстіе въ самомъ дѣлѣ Христовѣ. И это тѣмъ естественнѣе и понятнѣе, что уже Господь Спаситель освятилъ такое употребленіе даннаго термина въ примѣненіи къ рассказамъ о всемъ своемъ искупительномъ подвигѣ и объ отдѣльныхъ его эпизодахъ¹⁾. „И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія (*καὶ κηρυθήσεται τοῦτο τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας*), — говорилъ Онъ въ эсхатологической рѣчи (Мѣ. XXIV, 14), — по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ; и тогда придетъ конецъ“. По поводу недовольства учениковъ (или —собственно—Иуды) на женщину, помазавшую миромъ божественнаго Учителя, Христосъ замѣтилъ (Мѣ. XXVI, 13. Мрк. XIV, 9): „гдѣни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе (*ὅπου ἂν κηρυχθῇ τὸ Εὐαγγέλιον τοῦτο*) въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ и о томъ, что она сдѣлала“. Здѣсь благовѣстническіе факты переходятъ въ благовѣстническую проповѣдь и, конечно, остаются таковою въ письменномъ изложеніи. По этой причинѣ—и по отношенію къ священнымъ литературнымъ произведеніямъ—Евангелистами являются лишь писатели первыхъ четырехъ новозавѣтныхъ книгъ, и изъ всѣхъ „памятныхъ записей апостольскихъ“, только послѣднія титулуются Евангеліемъ въ собственномъ смыслѣ: *ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων, ἃ καλεῖται Εὐαγγέλια* —такъ говоритъ св. Іустинъ Муч. (I Apol. 66: Migne gr. VI, 429) касательно однихъ историческихъ повѣствованій о Христѣ Спасителѣ. Объективная ассоціація содержанія и изложенія была столь натуральная и прочная, что наименование перваго сразу переходило и на второе, ибо тамъ воспроизводится совершенное Христомъ Евангеліе — величайшая и единственная радость для всего міра. Посему вполне вѣроятно, что заглавіе каноническихъ записей ведетъ свое начало отъ ихъ составителей, а св. І. Златоустъ прямо свидѣтельствуетъ, что Маттеей „справедливо называлъ трудъ свой Евангеліемъ“ (in Matth. hom, I, 2: M. gr. LXII, 15, 16).

Если же такъ, то лучше сохранять этотъ священный *terminus technicus* въ вербальной неприкосновенности и горюски пояснять его нашимъ „благовѣстіе“, потому что послѣднее болѣе или менѣ точно выражаетъ существенные отѣнки греческаго *Εὐαγγέλιον*, указывая своимъ граммати-

¹⁾ Объ употребленіи Христомъ термина *Εὐαγγέλιον* ср. Prof Julius Schniewind, S. 6, 12.

ческимъ строеніемъ и на фактъ (ср. „событіе“) и на сообщеніе его другимъ устно и письменно (ср. „извѣстіе“).

Всѣ раскрытыя нами положенія въ высшей степени важны для установленія правильнаго понятія о евангельскихъ записяхъ и для опредѣленія объективнаго отношенія къ нимъ при ихъ научномъ разсмотрѣніи. Письменные „Евангелія“ имѣютъ ту же цѣль, какую осуществлялъ и Господь своею искупительною дѣятельностію. Посему, излагая ее, они въ равной мѣрѣ желаютъ всѣмъ челоукомъ спастися и въ разумъ истины прийти (1 Тим. II, 4) и — соотвѣтственно этому — передаютъ лишь то и въ такомъ видѣ, что въ извѣстномъ смыслѣ касается этого спеціальнаго предмета. Ихъ задача — практически-сотеіологическая, и все, выходящее за ея предѣлы, естественно опускается священными редакторами. Многа и ина знаменія, — замѣчаетъ Апостоль Іоаннъ (XX, 30-31) именно о своемъ Евангеліи, — сотвори Іисусъ предъ ученики Своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ. Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, и да вѣрующе, животе имате во имя Его.

Евангеліе, — значитъ, — не трудъ строго историческій и чисто біографическій со всѣми типическими свойствами подобныхъ произведеній — тогдашнихъ и позднѣйшихъ. Правда, св. Лука высказываетъ намѣреніе „по ряду писать“ (καθεξῆς γράφει), прослѣдивши все сначала (Лк. I, 3), но эти литературно-техническіе приемы служатъ только средствомъ для практическихъ интересовъ, чтобы культурно образованный сановникъ Теофилъ „узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ“. Совершенная всеобъемлемость была фактически невозможна по безграничности самага дѣла Христова, поелику „многое сотворилъ Іисусъ, но еслибы писать о томъ подробно, то — по выраженію св. Іоанна Богослова (XXI, 25) — даже самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ“. Такая детальная полнота была и не нужна объективно при единственномъ правильномъ воззрѣніи Евангелистовъ на лицо Господа Спасителя. Вѣрно, что Христосъ былъ историческимъ персонажемъ и Его земная жизнь замыкалась опредѣленными рамками; однако каждый моментъ Его бытія на землѣ — съ самага начала до конца — былъ актомъ божественной реализаціи особой, неземной миссіи, ради которой было и самое воплощеніе. Поэтому и вся историческая жизнь Христова должна быть разсматриваема только съ этой точки зрѣнія, ибо лишь при ней она получаетъ надлежащій смыслъ и истинное освѣщеніе. Въ земномъ творилось нѣчто эссенціально небесное, которое нимало не покрывалось тѣмъ всецѣло и во многомъ пользовалось имъ,

какъ внѣшнимъ аксессуаромъ. Спаситель былъ и человекомъ, но въ своемъ гуманитарномъ функционированіи шелъ по небесному маршруту для божественнаго осуществленія Божіихъ цѣлей, которыя были единственными и доминирующими, а все реалистическое являлось служебнымъ и побочнымъ. Понятно отсюда, что многое въ человѣческомъ развитіи Господа Христа было лишь временно-обусловленнымъ, какъ, напр., младенчество въ качествѣ перехода къ возмужалости. Не менѣе истинно, что и въ многообразной Его исторической дѣятельности не все было эссенціально-мессіанскимъ, являясь предуготовительнымъ и вспомогательнымъ къ искупительному служенію, которое только и характеризовало подлинную личность Христа и спасительную активность. Посему и въ повѣствованіи о Его пребываніи и дѣятельности среди людей было важно и нужно лишь то, что характеризовало именно съ этой стороны, показывало Бога во плоти, Спасителя міра, когда для всѣхъ становилось неотразимымъ, что Онъ — Искупитель. При одномъ этомъ условіи и возможно было соответственное постиженіе мессіанской богочеловѣчности, въ которой спасеніе міра являлось и исходнымъ началомъ, и жизненнымъ принципомъ, и конечною цѣлію земного бытія. По этой причинѣ сообразно данной нормѣ должны были располагаться всѣ отдѣльные факты, чтобы своею конкретною рельефностью и взаимною комбинаціей адекватно констатировать божественную реальность исторіи Христовой.

Все это мы и находимъ въ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ, гдѣ каждый писатель, по своимъ практическимъ цѣлямъ и приспособительно къ нуждамъ и пользѣ слуша-телей, даетъ свое изображеніе Христа, но именно, какъ Спасителя міра. Господствомъ такого священнописательскаго принципа объясняется и литературный характеръ теперешнихъ евангельскихъ повѣствованій. Въ силу его періодъ дѣтства Іисуса совсѣмъ не являлся необходимымъ и въ разсказѣ объ общественномъ служеніи Господа не требовалось механическаго соблюденія пунктуальной хронологіи, внесенія cadaquo изреченія въ его первоначальной фактической ассоціаціи и т. д. Отсюда — выводъ: Евангеліе — не погодная лѣтопись и не обычная біографія, а цѣлостное изображеніе дѣла Христова, проникнутое сотеріологическою идеей, которая была въ немъ движущимъ факторомъ и, слѣдовательно, вполне его выражаетъ. Естественно, что тамъ воспроизводится по преимуществу этотъ главенствующій элементъ, а все прочее — лишь по связи, соприкосновенности и отношенію къ нему.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать омраченіемъ истиннаго идеала Евангельской исторіи и утратою правильнаго понятія о ней всѣ извѣстныя апокрифическія сказанія.